

ПРИВИДЕНИЯ ЗАМКА ГОРСТОРП-ГРЕЙНДЖ

Уверен, природа просто не создала меня человеком, добивающимся всего самостоятельно. Порой мне бывает невыносимо от самой мысли о том, что я провел двадцать лет своей жизни, торгуя в бакалейной лавке в лондонском Ист-Энде, и что именно таким путем мне удалось обрести богатство и независимость, став владельцем Горсторп-Грейнджа. Привычки мои консервативны, а вкусы рафинированы и аристократичны. Все мое естество отвергает низменное стадо. Наша семья, д'Одды, уходит своими корнями в доисторическую эпоху — единственно возможное объяснение того факта, что роль, которую она сыграла в британской истории, не упомянута ни одним заслуживающим доверия ученым. Интуиция подсказывает мне, что в моих жилах течет кровь крестоносцев. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, восклицания наподобие «Во славу Пресвятой Девы!», кажется, сами готовы сорваться с моих губ, и я чувствую, что, потребуй того обстоятельства, я был бы вполне способен вскочить в седло и поразить неверного ударом, к примеру, булавы, к вящему его изумлению.

Горсторп-Грейндж — это феодальное имение. Во всяком случае, так о нем говорилось в рекламе, которая изначально привлекла мое внимание. Именно сие прилагательное оказало наибольшее влияние на его цену, так что преимущества, которые дала мне его покупка, имеют скорее сентиментальный, чем реальный характер. И все

же меня утешает, что, поднимаясь по лестнице, я прохожу мимо бойниц, в которые могу пускать стрелы; вдобавок обладание сложным приспособлением, позволяющим выливать расплавленный свинец на головы незваных гостей, дает ощущение могущества. Подобные вещи находят живой отклик у моего специфического чувства юмора, так что я не жалею о том, что заплатил за них. Я горжусь своими зубчатыми стенами и открытым сточным рвом, окружающим меня со всех сторон. Горжусь своими воротами с опускной решеткой, донжоном и цитаделью. Лишь одной вещи не хватает моей обители, чтобы ее можно было считать по-настоящему средневековой, чтобы ее старинный образ обрел завершенность. У Горсторп-Грейнджа нет своего призрака.

Любого человека старомодных вкусов и представлений касательно того, какими должны быть подобные места, огорчала бы подобная неполнота. Однако в моем случае это было особенно досадно. С самого детства я со всей серьезностью изучал сверхъестественное и искренне в него верил. Я взахлеб читаю истории о призраках — до тех пор, пока не останется ни одной, которую я бы не знал наизусть. Я выучил немецкий лишь для того, чтобы суметь прочесть книгу по демонологии. Малышом я заперся в темных комнатах в надежде увидеть одно из тех страшилищ, которыми няня так часто пугала меня, и сейчас я воспринимаю все столь же живо, как и тогда. Какое-то время я в гордыне своей думал, что призрак — это роскошь, которую можно купить за деньги.

Не стану вам лгать, в рекламе не говорилось ни слова о привидениях. Однако, осматривая покрытые плесенью стены и окутанные тенями коридоры, я возомнил, что нечто подобное в замке быть просто обязано — точно

так же конура предполагает наличие пса; я решил, что просто невозможно, чтобы столь уютная обитель не привлекла какое-нибудь беспокойное порождение теней — а быть может, даже не одно. Святые небеса, что, должно быть, успело натворить за столько-то веков благородное семейство, у которого я приобрел этот замок! Неужто среди них не нашлось никого достаточно дерзкого, чтобы сбежать со своей возлюбленной или совершить еще какой-то шаг, который неизбежно привел бы к появлению передающегося по наследству призрака? Даже сейчас я пишу об этом, с трудом сдерживая свое нетерпение.

Долгое время я без надежды надеялся. Всякий раз, стоило мне слышать писк крысы за стеной панелью либо звук капель дождя, барабанивших по крыше, по моему телу пробегала дрожь дикого возбуждения, словно я наконец попал на след беспокойного духа. Страх я не чувствовал ни разу. Если подобное случалось ночью, я посылал миссис д'Одд — женщину решительную — проверить, в чем дело, а сам накрывал голову одеялом, наслаждаясь экстатическим чувством ожидания. Увы, результат всегда был одним и тем же! Источником подозрительного звука оказывалось нечто столь абсурдно естественное и тривиальное, что даже самое пламенное воображение не сумело бы наделить его хотя бы ноткой романтики.

Я мог бы примириться с таким положением вещей, если бы не Джоррокс с фермы Хэвисток. Джоррокс — здоровенный, грубый, начисто лишенный фантазии дитина, с которым я познакомился лишь потому, что по стечению обстоятельств его поля, как выяснилось, граничили с моими владениями. И все же этот человек, совершенно неспособный ценить археологические находки, оказался владельцем призрака, чья личность была вполне

определенной и чье существование отрицать было невозможно. Появился этот призрак, как я полагаю, всего-то во времена правления Георга II, когда некая юная леди перерезала себе горло, услышав о смерти своего возлюбленного в Деттингенском сражении¹. Впрочем, даже такое заставляет ощущать к дому почтение, особенно если на полу сохранились кровавые пятна. Джоррокс даже не осознает, каким сокровищем владеет; а уж выражения, в которых он отзывается о призраке, невозможно слушать, не поморщившись. Он и помыслить не может, как страстно я жажду услышать хотя бы один из тех стонов и ночных воплей, рассказы о которых он сопровождает совершенно ненужной бранью. Когда склонным к вольнодумству призракам дозволено покидать помещиков и, невзирая на какие бы то ни было социальные различия, селиться в домах людей великих, но непризнанных, воцаряется сушья неразбериха.

Человек я по природе упрямый — иначе мне не удалось бы достичь заслуженных высот, учитывая атмосферу непонимания, окружавшую меня в юные годы. Я пребывал в решимости раздобыть призрака, впрочем, как это сделать, не приходило в голову ни мне, ни миссис д'Одд. То, что мне удалось узнать из книг, говорило, что подобные феномены обычно являются результатом преступления. Но коль так, какое именно преступление должно было свершиться и кто должен был его совершить? Меня посетила дикая мысль, что Уоткинса, дворецкого — к примеру, — можно было бы убедить пожертвовать со-

---

¹ Битва, состоявшаяся 27 июня 1743 года между т. н. «прагматической армией» (австрийско-англо-ганноверской коалицией) и французскими силами под командованием маршала Адриана-Мориса де Ноая у баварского селения Деттинген в ходе Войны за австрийское наследство и завершившаяся победой коалиции. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

бой или кем-нибудь еще в интересах имения. Я упомянул об этом при нем в полушутливой манере, однако Уоткинса подобная идея не вдохновила. Другие слуги были с его мнением согласны — во всяком случае, иного объяснения их дружному увольнению в тот же день я найти не могу.

— Мой дорогой, — сказала миссис д'Одд однажды после обеда, когда я сидел, мрачно потягивая из кубка сэк — люблю старые добрые названия¹. — Мой дорогой, этот отвратительный призрак Джоррокса опять что-то бормочет.

— Ну и пусть себе бормочет! — ответил я небрежно.

Сыграв несколько нот на своем клавесине, миссис д'Одд задумчиво устремила взгляд в огонь.

— Я скажу тебе, в чем дело, Арджентайн, — произнесла она наконец, обращаясь ко мне по моему домашнему имени, которое мы обычно использовали вместо Сайласа², — нам нужно выписать себе призрака из Лондона.

— И как тебе только в голову мог прийти такой идиотизм, Матильда? — заметил я строго. — Кто бы смог нам его раздобыть?

— Мой кузен Джек Брокет смог бы, — ответила она уверенно.

Кузен сей был для нас довольно болезненной темой. Щеголеватый и умный, этот молодой человек пробовал себя во многих делах, однако ему не хватало настойчивости, чтобы добиться успеха хоть в чем-то. В то время он жил в меблированных комнатах в Лондоне, утверждал, что служит генеральным агентом, и, по правде говоря, действительно зарабатывал на жизнь в значительной мере собственным умом. Матильда все устроила так,

¹ Сэк (англ. *sack*) — английское архаичное название хереса.

² Английская игра слов: *Silas — Silver — Argentine* — «Серебряный».

чтобы бóльшая часть наших дел проходила через его руки — что и вправду избавляло меня от лавиной доли беспокойства; однако я видел, что коммиссионные Джека обычно превосходят все остальные счета вместе взятые. Именно данный факт заставлял меня противиться любым дальнейшим сделкам с этим молодым джентльменом.

— О да, он смог бы, — настаивала миссис д'Одд, выискивая выражение неодобрения на моем лице. — Помнишь, как хорошо он решил тот вопрос с наверхием герба?

— Это было лишь возвращением старого фамильного герба, моя дорогая, — возразил я.

Матильда улыбнулась весьма раздражающей улыбкой.

— Это было еще и возвращением семейных портретов, дорогой, — заметила она. — Ты должен признать, что Джек подобрал их весьма разумно.

Я подумал о длинном ряде лиц, украшавших мой банкетный зал, начиная с дюжего нормандского грабителя, чьими потомками были личности во всевозможных шлемах с плюмажами и с пышными фрезами вокруг шей, и заканчивая хмурым, напоминавшим чем-то графа Честерфилда типом, в агонии опершимся о колонну при вести о том, что его первая рукопись, которую он конвульсивно сжимал в руке, была отвергнута издателем. Я был вынужден признать, что в том конкретном случае Джек справился со своей работой хорошо и что было бы лишь честно, заплатив привычную комиссию, заказать у него семейного призрака, если получить такого вообще представлялось возможным.

Действовать без промедления, когда решение принято, — это одна из моих максим. В следующий полдень я уже поднимался по каменной винтовой лестнице, вед-

шей в меблированные комнаты мистера Брокета, созерцающая цепочку стрелок и отпечатков пальцев на белой стене, указывавших путь в обитель джентльмена. Как оказалось, подсказки подобного рода были совершенно неуместны, поскольку звук оживленной пляски не мог исходить откуда бы то ни было еще; впрочем, стоило мне оказаться наверху, звук этот сменился мертвой тишиной. Дверь открыл юноша, явно ошарашенный появлением клиента; он проводил меня к моему молодому другу, яростно писавшему что-то в грессбухе. Грессбух, как я впоследствии заметил, лежал вверх ногами.

Произнеся слова приветствия, я сразу перешел к делу.

— В общем, Джек, — сказал я, — мне не хватает духа.

— Да уж, ты сегодня какой-то совсем поникший! — воскликнул кузен моей жены. Сунув руку в корзину для бумаг, он с ловкостью фокусника извлек оттуда бутылку. — Ну да не беда, хорошая выпивка живо вернет тебе присутствие духа!

Я поднял руку в немом протесте против увеселений подобного рода в столь ранний час; впрочем, опустив ее, я осознал, что пальцы мои почти невольно сомкнулись вокруг стакана, пододвинутого ко мне моим юрисконсультom. Я спешно опорожнил его, словно опасаясь, что кто-нибудь может войти и счесть меня пропойцей. Впрочем, по правде говоря, эксцентричность молодого человека казалась мне весьма забавной.

— Я не о том духе, — пояснил я с улыбкой. — Я о привидении. О призраке. Если это возможно, я готов заплатить любую сумму.

— Призрак для Горсторп-Грейнджа? — переспросил мистер Брокет столь невозмутимо, словно я говорил о новом гарнитуре для гостиной.

— Верно, — ответил я.

— Проще простого, — произнес мой компаньон, вновь наполняя мой стакан и игнорируя мои возражения на сей счет. — Посмотрим! — Он взял большую красную записную книжку с алфавитным указателем вдоль края страниц. — Призрак, говоришь? Это буква «п». «П» — перламутр — пилы — патрубки — перчатки — пистолеты — пакетботы. Ага, вот. Призраки. Том девять, раздел шесть, страница сорок один. Прошу прощения!

Взлетев по лестнице, Джек стал рыться в куче гробсбухов, лежавшей на верхней полке. Увидев, что он отвернулся, я подумал о том, чтобы вылить содержимое своего стакана в плевательницу. Впрочем, поразмыслив, я решил опорожнить его традиционным способом.

— Вот! — вскричал мой лондонский агент, с грохотом спрыгивая с лестницы и кладя на стол огромный рукописный том. — У меня все сведено в таблицы, чтобы я в любой момент мог быстро найти то, что нужно. Все в порядке, оно не очень крепкое, — добавил он, вновь наполняя наши стаканы. — Так что мы ищем?

— Призраков, — предположил я.

— Разумеется; страница сорок один. Вот. «Т. Х. Фойлер и сын», Данкел-стрит, поставщики материалов аристократам и прочим господам; торгуют амулетами, приворотными зельями, мумиями, гороскопами. Полагаю, ничего такого, что могло бы заинтересовать тебя.

Я уныло покачал головой.

— «Фредерик Тэбб, — продолжил кузен моей жены. — Единственный связной между живыми и мертвыми. Владелец духов Байрона, Кирка Уайта, Гримальди¹,

---

¹ Джозеф Гримальди (1778—1837) — английский актер итальянского происхождения, считающийся отцом современной клоунады.

Тома Крибба¹ и Иниго Джонса». Полагаю, он именно тот, кто нам нужен!

— Недостаточно романтично, — возразил я. — Святые небеса! Представь себе призрака с фингалом под глазом и платком, обвязанным вокруг талии. Или выделяющего сальто и говорящего: «Как у вас завтра дела?»

Сама мысль об этом была столь возмутительной, что я опорожнил стакан и вновь его наполнил.

— Вот еще один, — сказал мой компаньон. — «Кристофер Маккарти; сеансы дважды в неделю; посещаем всеми знатными духами древности и современности. Гороскопы, амулеты, магические формулы, послания от умерших». Возможно, он нам поможет. Впрочем, завтра мне нужно будет все разузнать и увидеться с некоторыми из этих ребят. Я знаю, куда они захаживают, и я очень удивлюсь, если не смогу подыскать что-нибудь подешевле. На том и порешим, — постановил он, швырнув гросс-бух в угол. — А теперь выпьем чего-нибудь.

Выпили мы порядочно — настолько порядочно, что голова у меня на следующее утро едва варила, и мне не сразу удалось объяснить миссис д'Одд, почему я повесил свои очки и сапоги на крючок вместе с одеждой, прежде чем отправиться спать. Новые надежды, рожденные тем, с какой уверенностью мой агент взялся за дело, позволили мне превозмочь похмелье; я бродил по запутанным коридорам и старомодным комнатам, представляя, каким будет мое ожидаемое приобретение, и решая, в какой части строения его присутствие покажется наиболее гармоничным. После долгих размышлений я остановился на банкетном зале как

---

¹ Английский боксер без перчаток XIX века, чемпион мира.

на месте, в целом наиболее подходящем для приема. Это было длинное помещение с низким потолком, с дорогими гобеленами и интересными семейными реликвиями прежних владельцев. Кольчуги и всевозможное оружие поблескивали в свете огня, а задувавший под дверь ветер заставлял портьеры колыхаться с жутковатым шорохом. В одном конце зала стояло возвышение, на котором в старину накрывали стол для хозяина и его гостей, в то время как вассалы и прислуга трапезничали, сидя на добрую пару футов ниже. Ковров на полу не было, однако по моему указанию его усыпали тростником. Во всем помещении ничто не напоминало о том, что на дворе стоит XIX век, не считая моего собственного блюда из чистого серебра с восстановленным фамильным гербом, лежавшего на дубовом столе в центре зала. Это, решил я, и должна быть комната с призраком, если кузену моей жены удастся договориться с торговцами духами. Теперь оставалось лишь терпеливо дожидаться вестей о его поисках.

Письмо пришло через несколько дней — короткое, но обнадеживающее. Оно было нацарапано карандашом на обратной стороне театральной программки и запечатано, судя по всему, топталкой для табака. «Я напал на след, — говорилось в нем. — У профессиональных спиритов ничего не нашлось, однако вчера я повстречал в пабе малого, который говорит, что может для тебя все устроить. Отправлю его к тебе, если ты не телеграфируешь об обратном. Звать его Абрахамс, и он уже пару раз занимался такими делами». Заканчивалось письмо невнятным намеком на выписывание чека; внизу стояла подпись моего любящего кузена Джека Брокета.

Стоит ли говорить, что я ни о чем не телеграфировал и стал с сильнейшим нетерпением дожидаться прибытия

мистера Абрахамса. Несмотря на мою веру в сверхъестественное, я с трудом мог поверить в то, что кто-либо из живущих обладал такой властью над миром духов, чтобы торговать привидениями, выменивая их на презренный металл. И все же Джек ручался, что таковая торговля имела место; ручался, что есть некий джентльмен с иудейским именем, готовый предоставить доказательства этого. Сколь вульгарным и тривиальным покажется призрак XVIII века, обитающий у Джоррокса, если мне удастся заполучить настоящее средневековое привидение! Я почти подумал, что одного такого духа мне прислали авансом, когда, прогуливаясь перед сном вдоль рва, наткнулся на темную фигуру, изучавшую устройство моих опускной решетки и подъемного моста. Впрочем, то, как незнакомец, вздрогнув от неожиданности, скрылся во тьме, быстро убедило меня в его земной природе; я счел его воздыхателем одной из моих прислужниц, томившимся на берегу грязного Геллеспонта, отделявшего его от возлюбленной. Кем бы этот человек ни был, он исчез и больше не вернулся, хотя я некоторое время и послонялся у моста в надежде разглядеть его получше и поступить с ним сообразно моему праву феодала.

Джек Брокет сдержал свое слово. На следующий день, когда вокруг Горсторп-Грейнджа уже начинали сгущаться сумерки, звон колокольчика и скрежет подъемного механизма возвестили о прибытии мистера Абрахамса. Я поспешил вниз, чтобы встретить гостя, почти ожидая увидеть толпящихся у него за спиной призраков. Впрочем, торговец призраками оказался не тем болезненного вида человеком с печальными глазами, которым я его себе представлял; это был коренастый толстячок, чьи глаза сверкали пронизательностью и на чьих губах все время